

ДИПЛОМАТ И УЧЕНЫЙ

ПАМЯТИ МИХАИЛА СТЕПАНОВИЧА КАПИЦЫ (1921-1995)

А.С. ЗАЙЦЕВ

Чрезвычайный и Полномочный посол РФ, кандидат экономических наук

Мне довелось общаться с М.С.Капицей на протяжении более тридцати лет. Первое знакомство состоялось в июне 1962 г. Двадцатилетним студентом Института восточных языков при МГУ (с 1970 г. - ИСАА МГУ), вернувшись накануне госэкзаменов из Вьетнама, где проходил практику, я узнал от однокурсников последнюю новость: на экзамене будет сам Капица, посол, профессор, доктор исторических наук. Он недавно возглавил кафедру в нашем институте.

Войдя в небольшую аудиторию на Моховой, 11 для сдачи первого экзамена, поздоровался с экзаменатором и Михаилом Степановичем, сидевшим немного поодаль. Когда закончил отвечать по билету, принимавший экзамен преподаватель спросил Капицу, нет ли у него дополнительных вопросов. Он, к моему большому облегчению, ответил, что вопросов не имеет, добавив что-то ободрительное в мой адрес. Как я потом узнал, не было у него вопросов и к другим студентам, наоборот, нередко приходил им на помощь.

Через несколько месяцев, получив диплом, по распределению уехал на работу в аппарат советника по экономическим вопросам при посольстве СССР в Демократической Республике Вьетнам. Вернувшись в 1964 г. с собранными там материалами, поступил в аспирантуру Института народов Азии (позднее - Института востоковедения) Академии наук. Михаила Степановича видел только на научных собраниях и защитех диссертаций. Осенью 1966 г. после стажировки в МИДе я уехал на работу в наше посольство в Ханое.

Настоящей школой дипломатического мастерства стала для меня работа под непосредственным руководством Михаила Степановича в отделе Юго-Восточной Азии МИД спустя три года по возвращении из Вьетнама. Для молодых дипломатов Михстеп (эта аббревиатура навсегда закрепилась в нашем лексиконе) был непрекаемым авторитетом. Пищу для размышлений мы получали в его кабинете во время ежедневных совещаний, которые называли «читками». Самым интересным был «разбор полетов» - комментарии Михстепа на сообщения из посольств, о тех или иных событиях в мире и регионе.

Я непосредственно общался с заведующим отделом, переводя и записывая его беседы с иностранными гостями (впрочем, Капица нередко сам диктовал отчеты). Однажды довелось выполнять не совсем обычное поручение. В тот период обострился застарелый китайско-вьетнамский пограничный спор вокруг приналежности нескольких небольших островов двух архипелагов - Парасельских и Спратли. Чтобы детально разобраться в истоках пограничной проблемы, мне надлежало подготовить справку на основе первоисточников. Пришлось немало потрудиться, копаясь в старых французских и других географических картах, которые удалось разыскать в Центральной научной библиотеке МИД. Михстепу справка понравилась.

Более тесное общение с Михстепом проходило во время частых визитов вьетнамских делегаций, с которыми я работал переводчиком. Проводив после пере-

говоров или других мероприятий главу делегации в один из гостевых особняков на Воробьевых горах, мы оставались в гостиной, служившей кинозалом и бильярдной, и еще долго сражались в его любимую игру, не выпуская из рта сигары.

Стойкий сигарный запах из кабинета Капицы проникал повсюду и обычно служил верным индикатором присутствия заведующего на своем рабочем месте. Без сигар не обходился его творческий процесс, а в то время он часто засиживался в кабинете по вечерам, диктуя главы своей монографии «Китай: два десятилетия - две политики», изданной в 1969 г.

Для Михаила Степановича, какими бы странами и проблемами ему ни приходилось заниматься, главным делом жизни оставался Китай, исследование проблем его новейшей истории. В ту затянувшуюся полосу советско-китайского противостояния Михаил Степанович, не в пример многим своим коллегам - известным экспертам по Китаю, не спешил, в угоду сиюминутной политической конъюнктуре, присоединяться к хору острых критиков политики Пекина. Это не мешало ему принципиально оценивать отдельные конкретные действия тогдашнего руководства КНР (например, в период китайской агрессии против Вьетнама в 1979 г.).

Поэтому как логический шаг со стороны Михаила Степановича нами был воспринят его переход в 1970 г. в 1-й Дальневосточный отдел с одновременным назначением членом коллегии министерства. Там он получил возможность вплотную заняться китайской проблематикой. Для меня его новое назначение сыграло немалую роль: изменив свое первоначальное мнение, он уступил моей просьбе перейти в Отдел международных экономических организаций (после трех подряд командировок во Вьетнам и защиты диссертации на экономическую тему мне хотелось хоть на время отойти от страноведческой проблематики). Вскоре я был командирован в Женеву в наше постоянное представительство при Отделении ООН и других международных организаций.

В 1977 г. после возвращения в Москву, работая в секретариате министра, я продолжал пристально следить за развитием ситуации в Юго-Восточной Азии, присутствовал на переговорах А.А.Громыко при участии М.С.Капицы с министрами иностранных дел Вьетнама, Индонезии, Камбоджи и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Михстеп был в министерстве любимцем молодых дипломатов, которые всегда до отказа заполняли актовый зал в высотном здании МИД на его лекциях о международном положении. Он часто выражал собственное мнение по довольно щекотливым темам, об разным и красочным языком рассказывал об интересных фактах, эпизодах и событиях, участником которых был сам. Помню, как в 1984 г. одну из лекций он, увлекшись, почти целиком посвятил малоизвестным, порою курьезным, подробностям своего недавнего железнодорожного путешествия по стране - он сопровождал Ким Ир Сена в ходе его визита в СССР.

Как лектор-международник, Михаил Степанович часто выступал в аудиториях Минобороны и КГБ. Однако его смелые ремарки и независимые суждения, нередко выходившие за рамки тогда дозволенного, нравились не всем и время от времени становились предметом критического обсуждения в высоких инстанциях.

А.Громыко, посвящая в те годы большую часть своего времени отношениям с США и разоруженческой проблематике, насколько я мог наблюдать как помощник министра, высоко ценил Михаила Степановича - ведущего эксперта по Китаю, который при возникновении острой ситуации мог надежно «прикрыть» азиатские тылы. Министр неоднократно представлял его к награждению правительственные наградами, prodvigal предложение о назначении его своим заместителем. Громыко прощал экстравагантные в его понимании поступки и высказывания Михаила Степановича, время от времени доходившие до него. Помню, в декабре 1982 г., вызванный в воскресенье вечером на дачу к министру, застал его за визированием только что полученного правительственного указа о назначении двух членов коллегии - М.С.Капицы и заведующего отделом США В.Г.Комплектова заместителями министра иностранных дел. По возвращении в секретариат я передал его поздравления Капице и Комплектову и просьбу Громыко позвонить ему. Потом я узнал, что звонки состоялись, Комплектов говорил с Громыко 3 минуты, Капица -12.

Вслед за назначением М.С.Капицы заместителем министра последовали передвижки на уровнях отделов, и открылась вакансия заведующего отделом ЮВА. Михаил Степанович поддержал мое назначение на эту должность.

Горбачевскую перестройку М.С.Капица поначалу воспринял с энтузиазмом, которым не переставал заряжать вверенные ему отделы, добиваясь от нас ускорения в работе. Помню, как восторженно он отзывался о возвращении из ссылки в Москву академика А.Д. Сахарова, ставя этот шаг в заслугу новому генсеку и надеясь, что за этим последуют другие.

Требуя от нас большего внимания аналитике и прогнозированию, Михаил Степанович ссылался на собственный опыт. «Когда в западных СМИ появлялись сообщения о том, что Мао Цзэдун якобы скончался, - говорил он нам в назидание на совещаниях в отделе, - я спокойно мог уезжать в командировку или отпуск, зная, что в сейфе у меня лежит набор документов, включая записку в ЦК с проектом телеграммы соболезнования».

Появление в мае 1985 г. антиалкогольного указа Михаил Степанович воспринял скептически, открыто предрекая скорую кончину введенных табу. Не без его последовательных усилий, требовавших в тех условиях большой смелости, на протокольных мероприятиях, устраиваемых в особняке МИД на Спиридовонке, несмотря на все запреты, шаг за шагом возвращались привычные традиции. Поначалу «по просьбе гостей» на приемах стали подавать сухое вино, затем появилось пиво и, наконец, через непродолжительное время - крепкие напитки. Вскоре и в мидовских загранучреждениях все вернулось на круги своя.

Высокий и статный, всегда по моде и даже щегольски, насколько это позволяли протокольные условности, одетый, Михаил Степанович неизменно притягивал к себе всеобщее внимание. Увлекательный рассказчик с неисчерпаемым запасом забавных баек и анекдотов, он был душой любой компании, будь то протокольные мероприятия с иностранными гостями или на встречах с коллегами. Натура открытая и эмоциональная, в общении даже с малознакомыми ему

людьми он нередко не сдерживался в своих суждениях и оценках, сам признавал, что часто бывал задирист, хотя при этом и добавлял, что «старался избавиться от этого свойства характера»*. Несдержанность не раз оборачивалась против него. (Только один из примеров - несостоявшееся назначение послом в Таиланд из-за того, что накануне выхода решения он, по неосторожности, объявил об этом приглашенным гостям на устроенному им банкете.)

Уже на следующий год после прихода в 1985 г. нового министра Э.А.Шеварднадзе отношение Михаила Степановича к нововведениям в нашем министерстве заметно изменилось. Опытный дипломат, он не мог не видеть негативных последствий бессистемного реформирования министерства. Нацеленное на выдавливание «громыкинских кадров», оно на деле свело к хаотичной структурной перекроике внутри МИДа и к носившей избирательный характер кампании по борьбе с семейственностью.

По всему было видно, что М.С.Капица с его авторитетом и независимой позицией, к тому же высказываемой открыто, становился все более неудобен новому министру. Это было заметно по реакции Шеварднадзе на выступления и реплики Михаила Степановича во время заседаний коллегии. Проработав с новым министром всего полтора года, в феврале 1987 г. он ушел из МИДа. В том же году стал директором Института востоковедения АН СССР (с 1991 г. - ИВ РАН), был избран членом-корреспондентом АН СССР. В то время немало других дипломатов высокого ранга, не принявших стиль и методы нового руководства министерства, или уходили сами, как выдающийся дипломат - первый замминистра Г.М.Корниенко, либо под разными предлогами выживали из МИДа (как в случае с М.С.Капицей).

Михаил Степанович тяжело переживал свой уход из министерства. В упомянутой книге, изданной уже после его смерти, он вспоминал, что «не хотел переходить из МИДа, где проработал более 40 лет». Это было заметно и на встрече с ним в 1987 г. в Куала-Лумпуре, где только что закончился очередной совместный коллоквиум ученых двух стран на конференции, организованной Институтом международных и стратегических исследований Малайзии. (Привыкшему быть в центре внимания, Капице было нелегко смыкнуться с тем, что большее внимание хозяева оказывали его преемнику на посту зам.министра иностранных дел, приглашенному на это мероприятие в качестве главного докладчика.)

В конце 1988 г., незадолго до моего отъезда в очередную длительную командировку, вышла новая работа Михаила Степановича «Мирный выбор Азии». Подаренную им книгу с его автографом «...на добрую память о совместной работе на азиатской стезе» я бережно храню в домашней библиотеке.

Наша следующая встреча состоялась летом 1990 г. в его кабинете на ул. Рождественка. Он подробно рассказывал про мое африканское житье-бытье, живо интересовался мидовскими новостями, спрашивал, как сложились судьбы наших общих знакомых.

Известие о кончине М.С.Капицы оказалось для меня неожиданным. У ритуального здания ЦКБ собралось множество людей, по большей части молодые сотрудники из МИДа и ИВ РАН, преподаватели и студенты ИСАА, сотрудники редакции журнала «Азия и Африка сегодня», который он возглавлял на протяжении ряда лет (1989-1995 гг.).

* Капица М.С. На разных параллелях. Записки дипломата. М., АО «Книга и бизнес», 1996, с. 473.